

Пока мы с тобой целовались,
Впадая в туманный наив,
Ах, как покраснелся физалис,
Заброшенный сад озарив.

Не чая украсить гербарий,
Спасительной тьмой окружен,
Физалис, китайский фонарик,
Струит о несбыточном сон.

Скользит по растерянным лицам
Нездешний таинственный свет,
Чтоб целую вечность продлиться,
Не зная, что вечного нет.

Полночное таинство это
Уже караулит заря —
Все то, что волнует поэта,
Физалису до фонаря!

Наивные клятвы влюбленных
И вся в поцелуях щека...
Все то, что, сгорев мимолетно,
О вечном не знает пока.

Плохой погоды у природы нету!
 Так отчего, зачем и почему
 Я здесь со страхом ожидаю лета,
 С тоскою смертной — зимушку-зиму.

От жданок беспросветных сердце стынет
 Который год, который век подряд.
 Но вовсе не погода — резкий климат
 Виной всему, синоптики твердят.

Резка и я — чего скрывать? — бываю.
 Но и опять погода ни при чем!
 Повинность здешних предков отбиваю
 Железным плугом и стальным мечом.

И мне до остального нету дела:
 Судьба такая и удел таков —
 Пашу-ратаю отчие наделы,
 Попутно отбиваясь от врагов.

Повинность эта — древняя, казачья,
 Уральских гордых голубых кровей:
 Захлебываться горьким вьюжным плачем
 В степи глухой, что выжег сухостей.

* * *

Слова-пьянчужки вдоль речушки Пьяны
 В Агрызе огрызаются порой...
 А в Бондоге словечки-бандюганы
 Не дружат с забубенной головой.

Измордовавшись меж мордвой и чудью,
 Они смешат Казань и Шумерлю...
 Вдыхаю волжский ветер полной грудью,
 Взахлеб рифмую и захлеб люблю.

Обвенчанная с ветрами победы,
 Овеянная песнями весны,
 Я в этот мир пришла вести беседы
 О сказках древнерусской старины.

Меня врачует заповедной речью
 Застенчивая Заповедь-река.
 И дивным сном напомнит мне о вечном
 Сноведь-река, начав издалека.

А мимо покаянно-окаянно,
 Как опосля крепленого винца,

В кустах петляет пьяной бабой Пьяна
И в простоте не вымолвит словца...

Пускай порой куда похлеще мата
Названия, что помнят старину, —
Для слов, что от рождения крылаты,
Степной простор наотмашь распахну.

Неси, братейко перелетный ветер,
Стихи, что родились не налегке,
Вертявой Пьяне, и лесной Сноведи,
И затаенной Заповедь-реке.

* * *

Не кручинься и не плачь,
Что под небом зябко мглистым.
Оренбургский карагач,
Ты глядишься неказистым.

Не печалься, не грусти,
Что не уродился кедром,
Ибо кедру не снести
Приступов степного ветра.

Непокой да неуют.
Да еще (их нрав неистов!)
Вновь и вновь стеной идут
Степняки-ветра на приступ.

И чинуш спесивых рать —
Ты им тоже не по нраву.
Ой горазды вырубать
И налево, и направо!

Размахнутся топором —
Только мы тебя видали!
Что им, дурням, что знаком
Ты был с Пушкиным и Далем?

Пригодятся на гробы
И на плашки для паркета...
Кабинетные дубы,
Незнакомые с поэтом.

Что им гордый русский стих,
Устремленным на Канары?..
Ты — бревно в глазу у них,
Знойным пальмам ты не пара!

Топором взмахнет палач...
В дни печали и раздора
Оренбургский карагач —
Малой родины опора!

Родничный дол... Саринский сырт...
 А недалече Колтубанка
 Верстах в девятистах лежит —
 Усталых путников приманка.

От громких городских сюит
 Сюда сбегают за свободой...
 Здесь речка Бузулук струит
 Свои лирические воды.

Медовым светом залит бор,
 Слагающий лесные сказки.
 Здесь Приуралье с давних пор
 С Поволжьем обнялись по-братски.

Не абы как, не как-нибудь,
 Но до сих пор с имперским тактом
 Здесь Пушкин пролагает путь
 Мятежным пугачевским трактом.

Официозы все поправ,
 Придворных и притворных оды,
 От питерских сюит сбежав,
 В Россию едет — за свободой!

* * *

Вдоль по камушкам Кама бежала —
 Своенравная песня-река.
 В Волгу вовсе впадать не желала —
 Мол, я ей не простушка-Ока.

Я раздольнее-шире-древнее...
 Кто первее — открытый вопрос.
 Кто во мне усомниться посмеет?
 Кто в меня не поверит всерьез?

Говорила Оке, говорила:
 Не роднилась бы с Волгой-рекой
 И объятья ее отклонила,
 Впредь оставшись свободной Окой.

Чтобы проще, сбежав от истока,
 Суверенный блюсти интерес
 И, небес лучезарное око
 Отразив, разливаться окрест?

Но сестрица не вняла совету,
 Восприяла совет за навет...

Эй, откликнись, Ока моя, где ты?.. —
Песня, волжская песня в ответ!

Что тут думать и сетовать долго,
Волгу лютой захватчицей клясть?
Проложу-ка я русло под Волгой,
Чтоб в объятья ее не попасть!

Черный ворон поможет мне в этом.
Каркни, милый, как выйти на свет!
Коли ты не родился поэтом,
То греха в злобном карканье нет.

Раздвигая волною каменья,
Кама глубже под землю пошла...
Но в заветное это мгновенье
Каркнул ворон, увидев орла.

Каркнул ворон, от страха и злобы
Перепутав, кто грязь, а кто князь.
Из земной потаенной утробы
Вышла Кама и — с Волгой слилась.

Это ж надо такому случиться!
Голубая печаль глубока.
Обнимается с Камой сестрица —
Вдохновенная Волга-река!

* * *

Россия окаянная,
Себе же на беду
У рьяного Ульянова
Идешь на поводу.

Лентяя он не празднует,
Нежданный этот гость.
Наивная напраслина —
Помилует, авось!

Тебе он пустит кровушку,
Он жалости неймет.
Последнюю коровушку
С подворья прочь сведет.

Но не отринешь совести,
Хоть рублена с плеча,
Братоубийства болести
Молитвою леча.

...Дороженьку унылую
Протопчешь на погост.
...Зато увидишь, милая,
Как внук взлетит до звезд.

Снова долбаный холод сменяет долбаная жара,
Ты, едва ускользнув от зноя, прямиком попадаешь в сугроб.
В подворотне тебя заждались раздолбай-ветра,
Говорили тебе — не ходи по ночам, долбояр!

Здесь метель, отметелив тебя, расцелует взасос.
Этот номер от веку она повторяет на бис.
Здесь навек побратались однажды Авось да Небось.
Как они тут грызутся-собачатся-дружат — поди разберись!

В зябкий звон колокольный вплетен мусульманский намаз.
«Что за город?» — ты спросишь, в глазах не скрывая испуг.
Эх, столичный ты мой, загадочный, а ну догадайся с трех раз!
Не Москва, недогадливый мой, и не Санкт-Петербург!

Что ж, подсказку лови! Этот город — кочевник-степняк,
Голосящий ветрами о неразделенной любви,
На авось проживающий, на отговорки мастак —
По Яику когда-то выгуливал грозные струги свои.

Он похож на пророческий и летаргический сон,
Что столетья течет и впадает навек в забытье...
Этот город... Да важно ли, как называется он?
Если здесь забывают, чтоб выжить, исконное имя свое!

* * *

Смотрит с портрета Владимир Ильич,
Смотрит с иконы Владимир Креститель,
Как на столе воцарился кулич
И превратилась хрущевка в обитель.

Не вспоминая про свой партбилет,
Видя, как крашенки-яйца лелеют,
Смотрит, лукаво нахмурившись, дед,
Но возражать почему-то не смеет.

Кисти в гуашь окуная с утра
И живописцем себя ощущая,
Словно окрестная вся детвора,
Крашенки в писанки я превращаю.

Родина бодро идет в коммунизм,
Словно в красивую добрую сказку.
Как живописен мой соцреализм
Майской порой на советскую пасху!

Бабушка среди суеты загрузит:
В храм бы — да вот, искушает нечистый.

Дедушка в храм ей идти не велит.
Помни, твердит, ты жена коммуниста!

На кумачовых яичках зарю
Я вдохновенной гуашью рисую.
Женечке Чикильдину подарю
И троекратно его расцелую.

Не позабудут вовеки уста
Вкус целомудренных тех поцелуев...
Празднуем мы Воскресенье Христа,
Не поминая Всевышнего всеу.

* * *

Ей не впервой по осеням невеститься,
Ведь за погляды денег не берут,
Не призывая на себе повеситься
По автострадам мчащихся иуд.

Ты можешь кипятиться, спорить, ссориться,
Но разве не иуды ты и я,
Сбежавшие когда-то в мегаполисы
От сельского наивного житья?

Полным-полно таких по мегаполисам,
Серебренникам скорбный счет ведут...
За нас она и кается, и молится —
За нас, за неприкаянных иуд.

Она дрожит, не злясь на нас нисколечко.
Невинная — исполнена вины!
И добавляет терпкой зябкой горечи
В осенние пророческие сны.

И жарко закипают богоданные
Предательские слезы на щеке,
Когда осина, солнцем осиянная,
Сгорает на осеннем сквозняке.